

АНДРЕЙ Н. СОБОЛЕВ
(Санкт Петербург / Марбург)

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

1.

Единство южнославянских диалектных языков относительно славянского севера объясняется прежде всего тем, что они предположительно восходят к единой диалектной области праславянского, к его так называемому южному макродиалекту. По ряду традиционно выделяемых дифференциальных черт южный макродиалект сближается с восточным (упрощение групп **tl*, **dl*; переход $x > s$ по законам второй и третьей палатализации; развитие групп **kvě-*, **gvě-* в *cv-*, *zv-* и др.), по другим — с различными частями западного макродиалекта (метатеза плавных; развитие начальных сочетаний **art-* и **alt-* под циркумфлексной интонацией в *ra-*, *la-* и др.). После распада праславянской языковой общности на основе этого макродиалекта мог сформироваться единый южнославянский праязык. Обычно полагают, что древние южнославянские племена образовывали особую общность до их вторжения на Балканы и в Восточные Альпы, т.е. до VI–VII вв. (географически южнославянская прародина может быть помещена, например, в древней Паннонии или Дакии), при этом, однако, важно учитывать, что многие общеюжнославянские явления и процессы достаточно поздние и не могут быть датированы временем до появления славян на Балканах. Южнославянскому праязыку приписываются следующие признаки: 1) переход падежного окончания с носовым ятем в обычный носовой гласный (на севере деназализация в **ě*); 2) двойственность окончания тв. п. ед. ч. *o*-основ *-оть* и *-ьть*, *-еть* и *-ьть* (на севере только *-ьть* и *-ьтьь*); 3) деминутивные суффиксы с элементом *-e-*; 4) суффикс *-ica* в моционной функции, *-ьn-ica* для *nomina loci*; 5) развитие союза *da* в финально-целевом значении; 6) ряд лексических особенностей. Со

времени В. Ягича особое значение придается таким признакам, которые не встречаются на славянском севере.

Однако наряду с мнением, что южнославянская языковая группа имеет в своей основе единое праюжнославянское наследие, высказывалось и другое, а именно, что она, несмотря на близкое родство составляющих ее языков, все же неоднородна и сложилась на основе смешения диалектов разных славянских групп (которые иногда представляют как архаическую периферию праславянского) и в результате их вторичных контактов на новой территории и позднего конвергентного развития. Поскольку очевидно, что процессы языковой интеграции могут быть такими же древними, что и процессы дифференциации, и поскольку в развитии славянских языков первые постоянно сопутствуют последним, оказываясь одинаково вероятными и возможными в разные периоды складывания современной языковой карты славянства, то можно предполагать большую динамичность носителей пра(южно)славянского языка и возможность сосуществования разных по происхождению групп в пределах одного ареала. Таким образом, можно сомневаться в том, что современные южнославянские языки и диалекты достаточно прямо отражают праславянское диалектное членение или даже географическое размещение древнейших славянских групп на Балканах.

Решение проблемы лингвистического этногенеза южных славян должно содержать, следовательно, в частности и ответы на вопросы, в какой степени каждый из южнославянских языков и диалектов сохраняет генетическое тождество на всем протяжении развития и в какой мере он отражает диалектную дифференциацию праславянского языка. При восстановлении генетических связей южнославянских диалектов необходимо, кроме того, отделение праюжнославянских языковых черт от поздних конвергентных общеюжнославянских.

Одной из центральных задач южнославистики является вычленение возможного древнейшего праславянского компонента в отдельных южнославянских языках и диалектах, который устанавливается на основе собственно праславянских архаизмов или частичных южнославянско-севернославянских связей, могущих отражать как древнейшие праславянские диалектные связи, так и более поздние общие тенденции развития, обусловленные именно этими древнейшими связями. В поисках архаизмов обычно обращают внимание на такие факты как сохранение подвергнувшихся в подавляющем большинстве южнославянских диалектов упрощению сочетаний **tl*, **dl* в северо-западных диалектах словенского языка или как свидетельство румынского *mocirlă* < **močidlo* о том, что «сочетание *dl*

было и в некоторых диалектах восточной части южных славян» [Куркина 1992: 13].

Продолжаются и начатые более века назад работы по выявлению сепаратных южнославянско-севернославянских связей. Со времени Ягича особое внимание придается изоглоссам, объединяющим болгарский и македонский с восточнославянскими языками: 1) отсутствие совпадения рефлексов двух праславянских редуцированных; 2) фонологически релевантная палатализованность согласных; 3) отсутствие количественных или качественных оппозиций в акцентуации; 4) наличие редуций безударных гласных. Сам Ягич указывал в этой связи и на образование формы будущего времени с помощью вспомогательного глагола **imǫ* [Jagić 1898: 36]. С другой стороны, продолжается и линия разысканий Б. Цонева о древней связи предков македонцев и болгар с предками поморян и поляков, а также работы по установлению новых лексических изоглосс, объединяющих болгарские и македонские диалекты со всеми севернославянскими языками (т.е. вычленение лексики, распространенной на всей славянской территории, кроме одного ареала — словенского и сербохорватского) [Куркина 1992].

Также имеются и изоглоссы, объединяющие со славянским севером южнославянский северо-запад. Помимо достаточно узких, например, словенско-серболужицких связей типа глагольного суффикса **-nr* (выступающего в словенском в форме *-ni*, в верхне-лужицком — *-ny*), многочисленных лексических схождений, а также помимо уже упоминавшегося сохранения сочетания **dl* в словенских говорах на севере и северо-западе, сюда относятся: 1) переход *g* в *γ* в разных западнословенских и в ряде северо-западных чакавских говоров, имеющий параллели в чешском, словацком, украинском и белорусском языках; 2) гласный ряда *e* как рефлекс совпавших редуцированных в сильной позиции в северо-восточных и частично северных словенских говорах и в большей части хорватских кайкавских говоров, что параллельно процессам на большой западнославянской территории; 3) окончание **-ǫ* в тв. пад. ед. ч. *a*-основ в словенском языке и в хорватском кайкавском наречии, а также в северо-западных чакавских говорах, при наличии этой же флексии в чешском, польском и других севернославянских языках; 4) префикс **vu-* в ряде словенских говоров на севере, северо-западе и в некоторых северо-западных чакавских говорах. Хорватский этнолог М. Гавацци обращал внимание на то, что у хорватов-кайкавцев, у большинства словенцев и у чехов, моравов и словаков есть целый ряд общих лексем апеллятивов и топонимов, не встречающихся у што-

кацев, чакавцев, македонцев и болгар, а кроме того, общие обычаи и элементы материальной культуры, общие антропологические показатели и археологические факты. Эти и подобные факты позволяют Л. В. Куркиной говорить о возможном существовании на территории Великой Моравии в VII–IX вв. племенного союза, в котором «чересполосицей располагались» племена западно- и южнославянского типа, контакты между которыми были прерваны вторжением венгров в IX в. [Куркина 1992: 210–211].

Чрезвычайно важен тот установленный П. Ивичем факт, что южнославянские говоры, пространственно наиболее близкие к географическому центру славянской языковой территории (сербохорватские славонские и воеводинские), не обнаруживают связей с севернославянской территорией, в то время как такие связи характерны именно для западного и восточного полюсов южнославянского ареала. Таким образом, можно утверждать, что праюжнославянская территория имела вид не сегмента праславянского ареала, а вид сектора, крайние части которого, будучи отрезанными от севернославянской диалектной массы германским, венгерским и румынским элементом, стали в дальнейшем развиваться совместно с центральными. Именно поэтому на современной диалектологической карте славянства отсутствуют переходные диалектные типы между западом и югом, югом и востоком [Ивић 1991: 195–196].

В ареальном плане на окраинах территории южнославянских языков, как и на окраинах территории славянского севера, ожидалось бы сохранение языковых архаизмов, противопоставляющих архаическую периферию инновационному языковому центру (например, отсутствие метатезы плавных в славянской топонимии Греции или в немногочисленных словах старославянского языка типа *aldii*, *alkati*). Из общеславянской перспективы, кроме того, может представляться целесообразным обратиться к исследованию исключительных лексических соответствий между крайними славянскими зонами (отдельных словенских, чакавской, кашубской, южномакедонской, севернорусских, лужицких и т.п.), которые отсутствовали бы в зонах географически центральных и тем самым могли бы быть оценены как несомненные славянские архаизмы. Однако многолетние наблюдения Н. И. Толстого, например, над чакавско-великорусскими лексическими параллелями (около 250 единиц типа чак. *zabit* «забыть», чак. *zadrohnit* «дрыхать» и др.) показали, что «ни одна из них не оказалась чисто чакавско-великорусской или даже чакавско-восточнославянской, почти все они имели еще фиксацию в западнославянских языках или в словенском, болгарском...». То есть

оказалось трудным выявить «соответствия окраинных зон, которые бы не обнаруживались в зонах неокраинных и зонах центральных». В результате приходится признать, что, в отличие от романского лингвистического ареала, на славянской языковой территории географический центр отнюдь не всегда является источником инноваций, а периферия лишь областью сохранения языковой архаики; для славянского ареала в целом характерно сохранение праславянской языковой архаики не только в периферийных зонах, но и в неокраинных и центральных славянских областях. Собственно ареалогическая «центрально-периферийная противопоставленность в общеславянском плане (масштабе) едва ли может оправдать себя при решении кардинальных диахронических и этногенетических проблем, и, видимо, правильнее для тех же целей оперировать условными понятиями «архаических» и «неархаических» зон» [Толстой 1999: 29–30].

Казалось бы, публикация карт Общеславянского лингвистического атласа позволит окончательно решить вопрос о соотношении южнославянских ареалов архаизмов и инноваций. Однако предпринятые недавно Т. И. Вендиной попытки путем совмещения ареалов фонетических и лексических архаизмов (в частности, совмещения ареалов сохранения фонологической индивидуальности **ě* с ареалами распространения общеславянских праславянских лексем) выделить южнославянские зоны архаики привели к обнаружению в качестве таковых помимо ожидавшихся словенских, кайкавских и македонских эгейских, также и сербохорватских штокавских (славонских, восточнобоснийских, зетских, даже восточногерцеговинских и смедеревских) говоров [Вендина 1998: 143–144]. В результате и данная картина в принципе не подтверждает традиционного представления об общей архаичности языковой периферии, поскольку архаичными оказались не только окраинные, но и географически центральные южнославянские говоры.

2.

Вследствие ли их общего происхождения или в результате позднейшего конвергентного развития, южнославянские языки могут рассматриваться на всей территории их распространения как непрерывная цепь местных говоров, которые, сохраняя каждый свою индивидуальность, незаметно, как цвета радуги, переходят друг в друга (в романистике этот эффект известен как «колышущаяся нива»), т.е. представляют собой единый лингвистический континуум.

Представление о языковом континууме широко используется в лингвистических и преимущественно лингвогеографических исследованиях начиная с последней четверти XIX века и особенно активно в связи с идеей о сходстве контактирующих языков и диалектов одного ареала. Южнославянский континуум можно представить себе как цепь диалектов («mehrere Glieder der südslavischen Gesamtkette» [Jagić 1895: 72]), в каждой точке которой носители одного диалекта могут понять носителей других диалектов, живущих по соседству, с трудом поймут носителей диалектов, расположенных дальше по цепи, и, наконец, возможно, вообще не поймут носителей наиболее удаленных диалектов. Каждый член такой цепи является, таким образом, наиболее близкородственным и связующим звеном между окружающими его звеньями. Так, например, Ягич считал, что язык центральных балканских племен сербов и хорватов во многом органически продолжается в обе стороны, словенскую и болгарскую, и, предположительно, этот континуум существовал уже в VI–VII вв. А. Маргулиес соотносил древнейший южнославянский языковой континуум с цепью ранних государственных образований жуп (Gau), которые, по его мнению, должны были охватывать «весь южнославянский народ» [Margulies 1926: 200]. И сербохорватский язык, по мнению Ягича, можно представлять себе как такую же цепь диалектов, так что ошибочным было бы, например, мнение, что «икавизм» собственно хорватская особенность, а «экавизм» сербская, или что имеются лишь чакавский и штокавский диалекты; напротив, «es gibt vielmehr eine stufenweise sich ablagernde Pluralität von Dialekten» [Jagić 1895: 73, 67].

Задолго до того, как лингвогеографический метод стал применяться для изучения южнославянских языков, Ягич [Jagić 1898] (оперируя такими классификационными единицами как словенский, чакавский, сербский, македонский, болгарский), а вслед за ним и В. Облак, на примере фонетических черт доказывали постепенность географического перехода от одной единицы к соседней и отсутствие резких разграничительных линий между ними. Так, словенский и чакавский объединяются наличием двух рефлексов **ě* — *i* и *e*, из которых второй свойственен также сербскому и македонскому, которым противостоит болгарский с его *ǎ*. История палатального *r'* объединяет словенский и чакавский (где имеем *rj*), с одной стороны, и сербский и болгарский с их отвердевшим *r*, с другой. По рефлексам **dj* словенский с его *j* связан с чакавским с его *j* и *ž*, который вторым рефлексом объединяется с сербским; сербскому, со своей стороны, близок македонский рефлекс *ǰ*, отличающийся от болгарского *žd*.

Сербский и болгарский объединяются такими признаками, как: 1) устранение *r*'; 2) вставное *d* в сочетаниях *zr*; 3) устранение *h* или его субституции. Так же и «македонский диалект» следующими своими чертами образует переход от сербохорватского далее к болгарскому: 1) *e*-рефлекс гласного **ě*; 2) *k* (напоминающее сербское *č*) как рефлекс **tj*; 3) спорадическое *-to* в 1 л. мн. ч. глаголов. Во второй половине XX в. П. Ивичем была доказана постепенность перехода от одного южнославянского пункта к другому и в области морфологии, причем, например, при продвижении наблюдателя с юго-востока на северо-запад нарастает употребление форм инфинитива и супина, а также синтетических падежных форм, в то время как при продвижении на юго-восток, наоборот, нарастает количество временных форм глагола, а убывает употребление инфинитива, супина и синтетических падежных форм.

Как отмечает П. Ивич [Ивич П. 1991], одной из самых существенных характеристик диалектной расчлененности какой-либо языковой области является группировка изоглосс по направлениям. В некоторых ареалах, например, в направлении север-юг проходит примерно столько же изоглосс, сколько и в направлении восток-запад. В других областях изоглосс, проходящих в каком-либо одном направлении, количественно больше, чем изоглосс, проходящих в других направлениях. Бросается в глаза, что на южнославянской языковой территории важнейшие изоглоссы проходят в направлении северо-северо-восток юго-юго-запад, каковое направление перпендикулярно относительно продольной оси южнославянской языковой области, протянувшейся от западных склонов Юлийских Альп до Черного моря. (Исключение здесь составляют изоглоссы, выделяющие говоры Адриатического побережья и представляющие достаточно позднее и не всегда компактное распространение так называемых далматинизмов, отражающих прежде всего романское влияние на соответствующие сербские и хорватские говоры). В области фонетики в указанном направлении проходят следующие изоглоссы: 1) сохранение группы **dl*; 2) фонетический переход **zgj*, **zǵ*, **zdj* > *ž*; 3) **dj* > *j* в большинстве примеров; 4) отсутствие совпадения рефлексов **skj*, **sk*, **stj* со *št*; 5) **-že-* > *-re-* в формах настоящего времени глагола *moći*; 6) сохранение количественных фонологических противопоставлений; 7) совпадение рефлексов обоих редуцированных; 8) отсутствие совпадения рефлекса **tj* с рефлексом **skj*; 9) рефлекс **ě* не шире *e*. В области морфологии выделяются: 1) сохранение форм двойственного числа; 2) употребление вопросительного местоимения *kaj*; 3) отсутствие совпадения форм датива и инстру-

ментала мн. ч. существительных *a*-основ; 4) различие во множественном числе как минимум пяти падежных форм; 5) отсутствие энклитических местоименных форм *ni*, *vi*; 6) синтетическая система склонения; 7) отсутствие постпозитивного артикля; 8) личное местоимение 1 л. мн. ч. в форме *mi* (*mie*), а не *nie*; 9) притяжательное местоимение 3 л. мн.ч. в форме *nihov-*, *nihn-*, а не **těhn-*. П. Ивичу принадлежит также убедительная содержательная интерпретация наблюдаемой картины. Во-первых, очевидно, что здесь не может идти речь о прямом воздействии собственно географических факторов, поскольку рассмотренные изоглоссы пересекают самые крупные естественные препятствия (Динарские горы и Балканы) и самые удобные линии коммуникации (долины Савы и Дуная) под углом в 90 градусов, и нет более-менее существенных изоглосс, которые бы совпадали на значительном протяжении, например, с какой-нибудь из вышеупомянутых горных цепей. (Еще славистика XIX века отмечала, что точно так же и труднопроходимый горный хребет Велебит не помешал распространению чакавского населения по обе его стороны.) Во-вторых, возможно, что древнейшие из упомянутых изоглосс отражают направления миграций южных славян на Балканы в ранние Средние века. В-третьих, вероятно, что некоторые изоглоссы отражают старые политические границы между средневековыми Хорватией, Боснией, Сербией и Болгарией. В-четвертых, на части территории можно видеть в направлении изоглосс отражение противопоставления западных (католических) областей восточным (православным) с вкраплением богомильских и затем мусульманских ареалов. В-пятых, миграции населения в новое время можно образно представить себе как этнические реки, спускающиеся с высоких горных массивов вокруг адриатическо-дунайского и эгейско-дунайского водораздела (Динарские горы, Балканы и т.д.), прежде всего в поисках лучших условий жизни в плодородных низменностях. С границами этих миграционных потоков совпали и изоглоссы языковых явлений. Таким образом и получилось, что изоглоссы идут не вдоль этих хребтов, а пересекают их под прямым углом. Следует все же обратить внимание на то, что рассмотренная группировка изоглосс по направлениям скорее наблюдается в словенской и сербохорватской, и лишь в меньшей степени в болгарской и македонской диалектной областях, см.: [Видоески 1960–1961; Видоески 1962–1963; Стойков 1963; Бернштейн 1983; Колев 1992].

а) Гипотеза В. Копитара

Большую роль в истории южнославистики сыграла старая гипотеза В. Копитара и Ф. Миклошича, предполагавшая деление южнославянских языков на две большие группы: словенско-болгарскую, с одной стороны, и сербохорватскую, с другой. Любимой темой Копитара был его тезис о том, что первоначально в Паннонии, Дакии, на Балканах, в юго-восточной части Альп, до самого побережья Адриатики поселилось единое по языку и однородное «славянское» («slovenische») население (Sclaveni Прокопия и Иордана), одним из важнейших признаков языка которого было сохранение носовых гласных, хотя и в модифицированной форме. Этот языковой континуум («гомогенная масса») одноязычных и однородных в этнографическом отношении славян, простиравшийся до Черного и Эгейского морей, был разорван посередине более поздним проникновением хорватов и сербов, носителей «иллирийского» (в Копитаровой терминологии) диалекта. Наряду с Копитаровым, существует и более современное мнение, что при реконструкции южнославянского этногенеза следует исходить не из временных различий (ранняя — более поздняя волна миграций), а из отношения центра и периферии в ходе освоения новой территории. Окраинные области южнославянского ареала как периферийные являются одновременно и зонами сохранения архаизмов по отношению к инновационному центру, каким можно считать Паннонию [Куркина 1992: 214].

Гипотеза Копитара получила свое развитие в работах хорватских этнологов М. Гавацци и Б. Братанича [Bratanić 1951]. Последний обращается к тому факту, что у южных славян в области терминологии плуга существуют две различные («периферийная» и «центральная») лексические номенклатуры, соотносимые и с различными видами самого плуга. Обе номенклатуры имеют славянскую этимологию и обе представлены, кроме того, и у западных, и восточных славян. В периферийных южнославянских зонах, западной и восточной, мы находим одну номенклатуру, которой соответствует один вид плуга (*oje* и под. «грядиль», *lemeš* и под. «сошник, лемех», *ralica*, *plaz* «ручка плуга», *utreš* «шкворень» и др.), а в центральной зоне другую (*gredeľ* «грядиль», *raonik* «сошник, лемех», *ručica* «ручка плуга», *zavoraň* и др. «шкворень» и др.). По этому признаку объединяется одна часть хорватов (в основном, чакавцы) с частью македонцев и восточными болгарскими, в то время как другая часть хорватов (в основном, штокавцы икавцы), затем сербы, часть македонцев и западные болгары имеют другой тип. Таким образом, можно предполагать две волны заселения

славянами Балкан: первая волна должна была принести с собой традицию периферийного типа, и лишь затем в VII в. ее разбил поток носителей нового типа плуга. Кроме того, в середине XX в. в доказательство гипотезы Копитара-Братанича приво­дилось и следующее ареалогическое наблюдение: в южнославянских языках существует центральная балканская лексическая зона, в которой фиксируются лексемы типа *kiša*, *gvožže*, *čaž*, *vatra*, *ručak*, а с другой стороны, латеральная, периферийная зона, в которой употребляются соответственно лексемы *dažd*, *železo*, *saša*, *ogań*, *objed* и т.д. Несколько попыток проверки этой гипотезы предпринимал И. Попович [Popović 1960], а затем, в том числе и на новом лексическом материале и в течение многих лет, также Н. И. Толстой [Толстой 1999]. Последний убедительно продемонстрировал, например, что на основной южнославянской территории для обозначения понятий «правый» и «левый» используются лексемы, восходящие к **desnъ(jь)* и **lěvъ(jь)*», однако в трех островных ареалах на северо-западе (в западнословенском и части чакавского), на юге (в македонских говорах сел Висока и Зарово около Салоник) и юго-востоке (в уже почти исчезнувших болгарских юго-восточных фракийских говорах в округе городов Димотика и Гюмюрджина на территории современной Греции) представлены лексемы **pravъ*, **dobrъ* «правый» и **lěvъ*, **krivъ*, **xudъ* «левый», распространение которых четко очерчивает южнославянскую периферию, противопоставленную центру. При этом особенно показательным оказывается сопоставление ареалов распространения этимологически и семантически связанных слов, впоследствии эти связи утративших. Так, например, в ареале распространения лексемы *gvožže* отмечаются топонимы типа *železno poće* (Босния), *železnik* (около Белграда) и др., что говорит о позднем и инновационном характере ареала распространения формы *gvožže*.

Однако имеются данные, не позволяющие однозначно определить центральную область как инновационную, а периферийные как архаические, или, соответственно, одну из волн южнославянского населения как старшую, а другую как младшую. И. Попович указывает, например, на тот факт, что словенская терминология плуга отличается от хорватско-чакавской и совпадает с терминологией центральных сербохорватских областей. Так, у словенцев распространены обозначения *ralnik* (а не *lemeš*), *gredl* (а не *oje*), т.е. номенклатура «центрального» типа, а в немецких говорах Австрии имеются заимствования из словенского языка типа *arling* (*ralnik*). Почему же тогда можно утверждать, что именно штокавцы отделили

чакавцев от болгар, а не, скажем, что чакавцы отделили кайкавцев от штокавцев? [Поповић 1951–1952: 329; Popović 1960: 237–238]. Кроме того, проверка Н. И. Толстым такого лексического различия как *pot* и *znoj*, предположительно также соотносимого соответственно с южнославянской периферией и центром, показала, что лексема *znoj* фиксируется и в периферийных ареалах, в частности, в восточных словенских диалектах, в южномакедонских драмских, в болгарских родопских, странджанских и некоторых фракийских говорах. Оказывается, в результате, что далеко не все взятые для проверки лексемы распределяются согласно постулируемому гипотезой правилу.

Отсутствие однозначного ареального распределения южнославянской лексики и невозможность однозначного этногенетического его истолкования не отменяет, однако, еще целого ряда ареальных фактов, которые могут восприниматься как доводы в пользу гипотезы Копитара: 1) на южнославянской территории разграничиваются ареалы топонимов с основами *gabr-* (Словения, Македония), *grab-* (остальная часть быв. Югославии), *grabr-* (частично Словения, Хорватия) [Гълъбов 1986]; 2) именно на противоположных перифериях южнославянского ареала отмечается сохранение таких словообразовательных архаизмов, как суффиксы *-ac-* // *-ec-* и *-ina-* [Pomianowska 1970]; 3) наличествуют сепаратные словенско-македонско-болгарские лексические связи типа словен. *gluta* «шишка» — болг. диал. *оглуїка* «огрызок»; словен. *mlamol* «пропасть» — болг. топоним *Мламол*; словен. *pukati* «драть» — хорв.-кайк. *pukati* «то же» — болг. родоп. *пол'вам* «распрямить концы распоротого материала»; словен. *veg* «кривой; изогнутый» — болг. родоп. *в'агаф* «кривой, косою» и др. [Куркина 1992: 200].

б) Гипотеза В. Ягича

В качестве негативной реакции на теорию Копитара уже в конце XIX в. Ягичем был выдвинут целый ряд аргументов в пользу ближайшего исторического родства словенского и сербохорватского языков и доказывалось существование диалектного континуума на их территории [Jagić 1895]. Обнаруженные связи между словенским, хорватским и сербским противоречат гипотезе о вторжении сербских и хорватских племен в ранее единый словенско-болгарский ареал. Как заметил В. Облак, «невозможно было бы объяснить, почему сербы и хорваты занимают в южнославянской цепи как раз то место, которое им в ней принадлежит на основании родственных связей их языка» [Oblak 1896: 233]. Среди большого числа признаков, объединяющих словенско-сербохорватский ареал, с одной стороны, и

болгарский, с другой, Ягич в качестве основного выделял различную судьбу рефлексов праславянских редуцированных *ъ и *ь, совпавших на западе и различающихся на востоке, где положение дел напоминает восточнославянское [Jagić 1895: 75–76; Jagić 1898: 34–35]. Кроме того, 1) в словенском и сербохорватском *ě отражается как *ie-e-ei-i*, в то время как болгарскому с древнейших времен известен рефлекс *ea, a*; 2) *ǫ дает в словенском *o*, в сербохорватском *u*, т.е. огубленный рефлекс в обоих случаях, в то время как в болгарском, напротив, *a-a-o* (наряду с остатками назализма в ряде говоров); 3) *l-epentheticum* рано утрачивается в болгарском; 4) **tj* отражается в словенском и сербохорватском как *č, ć*, а в болгарском как *št*; **dj* дает в словенском и сербохорватском *ž и j*, а в болгарском *žd* и др. В области акцентологии западный ареал отличается сохранением тонических и количественных противопоставлений. В области морфологии чертами, объединяющими словенский и сербохорватский, являются: 1) победа мягкого типа склонения существительных над твердым; 2) окончание *-ga* в местоименном склонении при *-go* в болгарском; 3) окончания 1 л. ед. ч. глаголов на *-em, -im* и 1 л. мн.ч. на *-mo*, при 1 л. мн.ч. в болгарском *-m, -me*; 4) утрата финального **-tъ* в 3 л. ед. и мн. ч. в словенском и сербохорватском; 5) словенский и западнохорватский объединяются наличием вспомогательного глагола будущего времени **bǫdǫ*, в то время как при продвижении на восток усиливается употребление форм с **hošǫ*, объединяющее, со своей стороны, сербохорватский с болгарским. В середине XX в. это противопоставление было прослежено Р. Бошковичем в системе словообразования: 1) в западной части абстрактные существительные образуются с помощью суффикса *-oća*, в восточной *-ota*; 2) преимущественно западным ареалом ограничено распространение суффикса *-aca* в *nomina agentis* и *nomina instrumenti* и 3) **-iць* в качестве показателя деминутивов. Позже были установлены и некоторые другие словообразовательные и лексические изоглоссы, прохождение которых в целом подтверждает ягичевскую точку зрения, см. напр.: [Pomianowska 1970]. Таким образом, словенский ближе к сербохорватскому, чем к болгарскому; переходы же между ними постепенны. По мнению Ягича, эти данные, наряду со связями между словенским и западнославянскими языками и болгарским и восточнославянскими языками, позволяют напрямую соотносить нынешнюю группировку южнославянских языков с положением их диалектов-предков в позднепраславянском.

3.

Несколько абсолютизируя свои наблюдения, Ягич полагал, что, в целом, ни новейшее языковое развитие, ни наши сведения о ранних его периодах не позволяют провести резких граней между словенско-сербохорватским ареалом, с одной стороны, и (македонско-)болгарским, с другой. Переходы, по его мнению, всегда постепенны: звуковые и формальные особенности словенского переходят в сербохорватский, прежде всего в его западную часть, в то время как фонетические черты сербохорватского продолжают в болгарском, а именно в его западной части. В результате внешние звенья этой цепи (словенский и болгарский) отстоят друг от друга дальше и демонстрируют меньше точек соприкосновения между собой, чем между их ближайшими соседями [Jagić 1895: 85–86]. Однако ареальные исследования, проведенные в середине XX века П. Ивичем, позволили установить пучок преимущественно генетических изоглосс, разграничивающий западно- и восточнославянский ареалы и проходящий в западной Болгарии примерно по линии Видин — Белградчик — Берковица Брезник — Радомир — Кюстендил [Ivić 1958: 35–41; см. также: Popović 1960]. Дальнейшие лингвогеографические исследования [БДА III–IV; Schmieger 1995; Sobolev 1998] позволили определить точное число и области прохождения изоглосс, составляющих данный пучок; были получены их важнейшие географические группировки. Для оценки древности и истории формирования этих изоглосс в западной Болгарии существенны следующие их особенности:

а) С точки зрения исторической фонетики этот пучок изоглосс составляют как древнейшие явления (рефлексы **tj*, **dj*, затем **ρ*, **ь*, **ъ*), так и новейшие или относительно новые (переход $h > v/\#$);

б) В пучке изоглосс часто участвуют лексикализованные единичные фонетические явления, распространение которых, согласно лингвогеографическим закономерностям, обычно отклоняется от основных линий разграничения, отражающих действие звуковых законов;

в) Изоглоссы сконцентрированы в пучке исключительно плотно практически в одну линию и почти не образуют переходных типов.

Количество входящих в пучок изоглосс подтверждают мнение П. Ивича о наличии здесь важнейшей линии языкового разграничения на южнославянской языковой территории [Ивич 1962; ср., однако: Стойков 1962; Тодоров 1962]. Возраст древнейших из них говорит о еще добалканском характере противопоставления западной

и восточној части јужнословјанског јазиковог ареала и сведетелствује у пољзу тог, што то противопостављење отнюдь не «перекрело и таким образом стерло боље древној диалектној структури јужнословјанских јазиков» [Куркина 1992: 19–20; см. такође Тохтасјев 1998], а напротив, по крајњој мери за диалектов восточној Србији и западној Болгарији, може и должно напрјаму соотносити се с тој древној диалектној структури.

Не следује считати, одако, што современија локализација генетичког пучка изоглосс у западној Болгарији одражава местоположење линије разграничења јужнословјанског истока и запада со времени поселења славјан у региону (како полагао, на пример, И. Поповић). Резултати недавних лингвогеографских истраживања једнозначно говоре у пољзу мишљења П. Ивића, о томе, што она настала у ново време услед миграције насељења с запада. Показатељно такође, што и древној слоју славјанских топонима региона указује на првонајачно ино, на части територије боље западно пролажење изоглосс **tj* > *št/č*, **dj* > *žd/ž*, **ρ* > *ə/u* [Лома 1994].

У свете тих фактов разрешаје се и видимо противоречење међу географски централним за јужнословјанског ареала положјењем диалектов восточној Србији и западној Болгарији и односително високим бројем представљених у њих лексических архаизмова, позволивших Н. И. Толстоу причислити то регион к најбоље архаичним славјанским зонама вообче. До наја миграције на восток ти говори, не имају у одличје од настојаје време непосредственог контакта с восточнојужнословјанским ареалом, очевидно занимали восточну географску периферију западнојужнословјанској територији.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштајн 1983 — Бернштајн С. Б. К вопросу о членении болгарских диалектов// Вопросы языкознания. № 4. М., 1983. С. 10–18.
- Вендина 1998 — Вендина Т.И. Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география// Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 130–146.
- Видоески 1960–1961 — Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија// Македонски јазик. Год. XI–XII. Кн. 12. Скопје, 1960–1961. С. 13–31.
- Видоески 1962–1963 — Видоески Б. Македонските дијалекти во светлината на лингвистичката географија// Македонски јазик. Год. XIII–XIV. Кн. 12. Скопје, 1962–1963. С. 87–108.

- Гълъбов 1986 — Гълъбов И. Стари български езикови ареали на дакорумънската езикова територия // Гълъбов И. Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 539–550.
- Ивић 1991 — Ивић П. Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // Ивић П. Избрани огледи. О словенским језицима и дијалектима. Ниш, 1991. С. 167–199.
- Ивич 1962 — Ивич П. Заключительное слово // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том второй. Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 386–387.
- Колев 1992 — Колев Г. Изоглоси с направление запад-изток в българския език. I // Език и литература. № 4. София, 1992. С. 49–56.
- Куркина 1992 — Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Лома 1994 — Лома А. Језичка прошлост југоисточне Србије у светлу топонимастике // Говори призренско-тимочке области и суседних дијалеката. Зборник радова са научног скупа (Нишка Бања, јуна 1992). Ниш, 1994. С. 107–136.
- Поповић 1951–1952 — Поповић И. Лингвистичке и филолошке расправе у Зборнику радова Филозофског факултета Свеучилишта у Загребу (1951) // ЈФ. Књ. XIX. Св. 14. Београд, 1951–1952. С. 323–334.
- Стойков 1962 — Стойков Ст. Выступление // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том второй. Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 383–384.
- Стойков 1963 — Стойков Ст. Основното диалектно деление на български език // Славянска филологија. Т. 3. Доклади, съобщения и статии по езикознание. София, 1963. С. 105–119.
- Тодоров 1962 — Тодоров Ц. Выступление // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том второй. Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 381–383.
- Толстой 1997 — Толстой Н. И. Из географии славянских слов // Толстой Н. И. Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 122–260.
- Толстой 1999 — Толстой Н. И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Толстой Н. И. Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 10–29.
- Тохтасьев 1998 — Тохтасьев С. Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2. Славянские языки. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. СПб., 1998. С. 29–57.
- Шувалов 1998 — Шувалов П. В. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2. Славянские языки. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. СПб., 1998. С. 5–28.
- Bratanić 1951 — Bratanić B. Uz problem doseljenja južnih Slovena. Nekoliko etnografsko-lexičkih činjenica // Sveučiliste u Zagrebu. Filozofski fakultet. Zbornik radova. Knj. I. Zagreb, 1951. S. 221–250.

-
- Pomianowska 1970 — Pomianowska W. Zróznicowanie gwar południowo-słowiańskich w świetle faktów słowotwórczych// Prace językoznawcze PAN. Nr. 58. Wrocław etc., 1970.
- Popović 1960 — Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Schmieger 1995 — Schmieger R. Versuch einer Einordnung der sogenannten Übergangsmundarten im bulgarisch-serbischen Grenzgebiet // Wiener Slawistisches Jahrbuch. Bd. 41. S. 143–158.
- Sobolev 1998 — Sobolev A. N. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. 1. Problemstellung, Materialien und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. 2. Karten. Bd. 3. Texte. Marburg, 1998.